

Минерва Макгонагалл выглядела строгой женщиной. Ее лицо было изрезано возрастными морщинами, а губы казались почти неизменной линией, не выражающей ни печали, ни гнева, ни ненависти, ни любви, ни радости, ни депрессии. Такое впечатление, что она постоянно находится в режиме учителя, - размышлял он.

Гарри Поттер с восторженным вниманием слушал, как профессор Макгонагалл, директор Хогвартса и глава Дома Гриффиндор, объясняет ему, почему он так знаменит. Признаться, это был очень необычный опыт. Когда кто-то другой говорит, что он прославился тем, что победил самого темного волшебника столетия. Он не знал, что и думать по этому поводу, но, если уж на то пошло, он знал, что ее слова - правда.

Его также смущало то, что все в мире волшебников знали о том, что произошло той ночью. Казалось, что за те десять лет, что он пролежал на пороге дома Дурслей, все жители волшебного мира праздновали его победу над человеком, известным как Волан-де-морт. Этот человек развязал войну внутри магической Британии, которая едва не уничтожила волшебный мир и чуть не перекинулась на немагический. Вместе со своими Пожирателями смерти Волан-де-морт проложил кровавый путь через мир магии. Многие ведьмы и волшебники были убиты. Нет. Не убиты. Убили - недостаточно сильное слово. И не убиты. Большинство жертв нападений Пожирателей Смерти ужасно страдали, прежде чем попасть в сладкие объятия смерти.

Большинство убитых были магглорожденными - теми, чьи семьи не были магическими. По словам профессора МакГонагалл, этот лорд Волан-де-морт был сторонником «прав чистокровных». Он считал, что те, кто родился в семье, обладающей магией, имеют более высокий статус, чем те, у кого ее нет, и что тех, у кого ее нет, следует либо убить, либо обратить в рабство. Это напомнило Гарри о том, что он узнал об Адольфе Гитлере, чья ненависть к иудейскому вероисповеданию была хорошо известна.

Гарри пришла в голову и другая мысль, заставившая его почти нахмуриться. Он так хорошо помнил ту ночь, когда почти десять лет назад были убиты его родители, но до этого момента почти ничего не знал об этом. Он знал только то, что человек, называющий себя Волан-де-Мортом, пришел в его дом, убил его родителей и пытался убить его самого. И больше ничего. У него не было никакого контекста для этой ночи, ни малейшего представления о том, почему это произошло. Все, что он знал, - это то, что это произошло. По крайней мере, до сих пор.

Это была одна из неприятных сторон эйдетической памяти. Его разум мог вспомнить только то, что помнил, и, хотя он помнил все, это не означало, что он знал все. Он мог вспомнить, как происходило то, что он видел, что угодно, вспомнить все до мельчайших подробностей, но иногда без контекста того, что произошло до инцидента, все, что он видел, и все, что он помнил, могло оказаться бесполезным. С таким опытом он уже был знаком, и, признаться, он ему не нравился. Ни капельки.

Гарри сделал себе пометку исправить эту оплошность как можно скорее, предпочтительно когда он войдет в Косой Переулок.

Профессор МакГонагалл замолчала. Прошел уже почти час с тех пор, как она начала, так как

ей нужно было многое рассказать. Гарри все это время сидел за столом, спина прямая, руки сцеплены на твердой зернистой поверхности, на лице - заинтересованное выражение. Когда строгая женщина наконец замолчала, Гарри слегка наклонился вперед и впился взглядом в ее глаза, переваривая ее слова.

«То есть вы хотите сказать, что все во всей Британии знали, что произошло в ту ночь, когда Волан-де-морт убил моих родителей и пытался сделать то же самое со мной?»

МакГонагалл поморщилась, услышав имя этого человека, но у Гарри были более важные мысли, чем страх, который оно вызывало.

«Почему я никогда не знал об этом?» - спросил он, хмуро глядя на женщину.

«Это потому, что вы воспитывались в маггловском мире», - объяснила МакГонагалл. Она уже начала рассказывать о том, что такое маггл - человек с немагическими способностями. Для Гарри этот термин звучал уничижительно. Он не одобрял его, но и не поднимал этот вопрос. Были более важные вещи, о которых стоило подумать.

«И почему, скажите на милость, я вырос в мире маглов?» - спросил он, в его голосе слышалось и искреннее любопытство, и легкий гнев. Теперь, когда он услышал о том, как он знаменит, ему пришлось задуматься. Почему его отправили к Дурслям? Если он был так знаменит, то почему его не воспитывали в мире волшебников? Если бы он воспитывался, то не был бы так унижен, когда толпа... ну, просто толпа. Никогда в жизни он не проявлял такой слабости, никогда ему не было так стыдно, как сейчас.

«Это была идея профессора Дамблдора», - сказала МакГонагалл, и Гарри заметил, как слегка раздулись её ноздри. Было ясно, что она не одобряет его жизнь с Дурслями, и это его слегка порадовало, хотя он хорошо это скрывал. Теперь перейдем к следующему вопросу.

«И почему профессор Дамблдор счел хорошей идеей оставить меня на попечение магловской семьи?» Конечно, эти люди были его родственниками, но они ничего не знали о магии. Черт возьми, они ненавидели магию! Для них магия была неестественной, чем-то, что не должно существовать, чем-то, что противоречило законам науки. Для них все необычное, диковатое должно было быть ненавистно, а не принято.

«Он считал, что будет не очень хорошо, если ты вырастешь, зная о своей славе», - объяснила МакГонагалл. «Он не хотел, чтобы ты стал эгоистом, а именно это и произошло бы, если бы ты рос в центре внимания».

Теперь в этом есть смысл, подумал Гарри. Да, он понимал, почему Дамблдор хотел, чтобы он рос вдали от славы. Люди, выросшие в центре внимания, становились уродливыми, свиноголовыми; они позволяли своему врожденному чувству превосходства вскружить им голову и становились не более чем высокомерными глупцами, считающими себя лучше всех остальных только потому, что они знамениты. По крайней мере, в этом отношении Дамблдор поступил правильно.

А вот в чем он не был прав, так это в том, что оставил его с этими людьми. Эти ненавидящие магию глупцы, которые издевались над ним, когда он был моложе. Эти идиоты ненавидели его так сильно, что первые пять лет Гарри подвергался их издевательствам.

Гарри почувствовал злость, белую горячую злость, бушевавшую в нем. Гнев на Дамблдора за то, что тот оставил его на пороге дома этих отвратительных людей. Гнев на Дурслей за то, что они не смогли увидеть дальше собственного непостоянства и ненависти. Но самое главное, Гарри злился на себя, потому что знал, что он выше этого. Он был выше таких мелочных эмоций и ненависти. Что сделано, то сделано, прошлого не изменить, и злость на него не поможет ему двигаться к лучшему будущему.

Гарри закрыл глаза, сделал глубокий вдох и, выдохнув, позволил своему гневу уйти вместе с ним. Когда он снова открыл глаза, то увидел профессора МакГонагалл, которая смотрела на него пытливым и обеспокоенным взглядом. Он улыбнулся ей. «Спасибо, профессор, что просветили меня в том, о чем я не знал. Я слышал поговорку, что невежество - это блажь». Его улыбка стала забавной. «После того, что произошло сегодня, я с этим не согласен».

<http://tl.rulate.ru/book/121937/5127150>